

Т.М. Фадеева

**РОССИЙСКИЙ АБСОЛЮТИЗМ В XVIII веке
(Аналитический обзор)**

Изучение истории российского самодержавия, его эволюции и роли государства в реформаторской деятельности вызывает каждый раз особый интерес на новом этапе общественных преобразований. Соответственно увеличивается и поток публикаций по данной теме, направленных на осмысление, а чаще – на переосмысление опыта прошлого. При этом происходит пересмотр ряда стереотипных представлений, в той или иной степени укоренившихся в общественном сознании.

Одним из них является понимание термина «абсолютизм». Во введении к монографии «От Петра I до Павла I» А.Б. Каменского (5), где представлен обзор различных точек зрения, подчеркивается, что в западной историографии понятие «абсолютизм» обычно связывают с развитием капиталистических отношений, в то время как применительно к России вопрос о генезисе капитализма остается нерешенным (5, с. 21). При этом ни в теории, ни на практике власть не была неограниченной или свободной от любых законов, т.е. абсолютной в истинном смысле. Сложившуюся в западной историографии ситуацию можно было бы подытожить замечанием Ч. Инграо, согласно которому «представления философов XVIII в. об абсолютной монархии, на основе которых, собственно, и возникло историографическое понятие абсолютизма, носили утопический характер, поскольку восходили к парадигме, связанной с режимом Людовика XIV во Франции, нигде более в предреволюци-

онной Европе не существовавшей»¹. Еще более неопределенными видятся автору обзора представления о «просвещенном абсолютизме». В качестве более взвешенной приводится формулировка А.Н. Медушевского: «Просвещенный абсолютизм в странах Восточной Европы в свете теории модернизации – это желание традиционных структур приспособиться к новым условиям развития, провести модернизацию путем реформ сверху и активного вмешательства государства в жизнь общества, средством чего и служит регламентация социальных отношений, усиление их регулирования с помощью права»². На взгляд Каменского, в этой, как и прочих формулировках, отсутствует указание на то, что просвещенный абсолютизм является доктриной, сложившейся на вполне определенной теоретической базе в виде достижений философской, правовой и общественной мысли XVIII в. Принципиальная невозможность, по мнению многих историков, соединения таких идей с русскими политическими реалиями привела к тому, что в западной историографии давно уже наметилась тенденция вовсе отказаться от использования понятия «просвещенный абсолютизм» применительно к России (2, с. 24).

Что касается политического строя Российского государства XVIII в., то автор считает «целесообразным пользоваться понятием “самодержавие”, хотя и с определенными оговорками, но вполне адекватно отражающими существо этого строя» (2, с. 30).

Продолжая линию на пересмотр устоявшихся стереотипов, А.Б. Каменский ставит задачу проследить историю реформ в России как единый целостный процесс. Несмотря на обилие литературы, посвященной реформам, практически отсутствуют попытки «взглянуть на эту историю не как на череду не связанных или малосвязанных между собой эпизодов, а как на целостный процесс преобразования Российского государства и общества, насчитывающий не одно столетие» (5, с. 9). Примером стереотипных обобщений такого рода могут служить работы А.Л. Янова, убежденного в том, что для России характерны «короткие фазы лихорадочной модернизационной активности с длинными периодами прострации». Модели типа «рывок – застой» (Е. Стариков), «скачко-

¹ *Ingrao Ch.W.* The Hessian mercenary state: ideas, institutions and reform under Frederick II, 1760–1785. – Cambridge, 1987. – P. 5.

² *Медушевский А.Н.* Утверждение абсолютизма в России. – М., 1994. – С. 293.

образное развитие» (А.Н. Медушевский), «революция сверху», вызванная поражением в войне или национальной катастрофой и проч., – воплощают такие общепринятые точки зрения. Однако, возражает Каменский, «не только в России, но и в любой другой стране реформы являются следствием неблагополучия общественного развития» (5; 12), иначе потребности в реформах нет. Все подобные построения, считает Каменский, учитывают лишь наиболее яркие эпизоды в истории русских реформ, своего рода «вспышки реформаторской активности» как естественной реакции на определенное неблагополучие. Он предлагает изменить угол зрения и более пристально взглянуть в довольно длительные временные промежутки между «вспышками», нередко трактуемые как периоды «прострации» (А.Л. Янов), стагнации, а то и периоды откровенно реакционные. Отсюда поставленная в монографии задача – рассмотреть историю реформ как единый целостный процесс на материале XVIII столетия, имея целью найти ответ на ряд актуальных вопросов: «...действительно ли в истории России не было завершенных и успешных реформ, действительно ли для русской истории характерно циклическое развитие» (5, с. 12).

В трудах крупного историка Е.В. Анисимова, исследователя самодержавия Петра I и предпринятых им государственных преобразований в сфере управления, подчеркивается, что главной причиной преобразований стал глубокий кризис российской государственности, как одно из проявлений общего кризиса русского общества в XVII в. Начальный этап Северной войны обострил симптомы кризиса, и, прежде всего, в сфере государственного хозяйства, на которую легла вся тяжесть войны. В первое десятилетие XVIII в. Петром были предприняты попытки реформировать систему управления путем бюрократизации, усиления власти на местах, последовательной ориентации государственного управления на решение военно-организационных задач.

Е.В. Анисимов не относит себя к той части историков, которые считают, что в петровский период в России окончательно сложилась абсолютистская форма правления. Дискуссия 1960 – начала 1970-х годов о сущности российского абсолютизма показала, на его взгляд, бессмысленность научной экстраполяции на русскую почву тех форм государственной власти и общественной организации, которые сложились в Западной Европе и традиционно называются абсолютизмом. В России конца XVII – начала XVIII в.

не было ни «сословий», ни «абсолютизма», утверждает историк. А были «служилые люди» и было «самодержавие» и знак равенства между парами этих понятий ставить невозможно» (1, с. 24).

Наиболее важными актами, по которым можно судить об укреплении самодержавия при Петре I, являются акт 22 октября 1721 г., провозгласивший его «императором», «отцом отечества» и «Великим», а также указ о престолонаследии 5 февраля 1722 г. и акт коронации Екатерины Алексеевны в 1724 г. Есть еще несколько важных документов, служивших тем же целям, – «Духовный регламент» и «Правда воли монаршей», сочинителями которых явились псковский архиепископ Феофан Прокопович и его ученые клирики (11, с. 173–193). Эти знаменитые акты были важны для обоснования самодержавия в Новое время, ибо их авторы не ограничивались традиционной теорией божественного происхождения верховной власти, но и дополнили ее новыми аргументами: теорией естественного права, общественного договора, географического фактора. Прокопович нашел определение самодержавия в книге Гуго Гроция «О правде войны и мира». В русском переводе времен Петра оно звучало так: «Высочайшая власть (величеством нарицаемая) есть, которой деяния ни чьей же власти не подлежат» (1, с. 273). Это определение с различными вариациями с тех пор и стало главным в идеологии самодержавия. Но при Петре появились и новые моменты. Царь был убежден в том, что власть эта вручена ему Богом не для наслаждения, а для многотрудной работы, для осуществления преобразований – дела, «полезного народу». Для Петра власть была тяжким бременем ответственности за судьбу страны, ее будущее (1, с. 271).

«На протяжении всей книги можно было видеть, как Петр стремится заложить в основу деятельности всех – как старых, так и новых институтов государства – регулярное, регламентационное начало, оговорить все возможные отклонения работы этих институтов от закрепленных законом норм (1, с. 273). «Должности царского чина» посвящена проповедь Феофана 6 апреля 1718 г. Представления Петра о своей «работе» были вполне созвучны идеям немецкого государствоведа С. Пуфендорфа, книгу которого он решил издать в переводе для русского читателя. Он видел себя источником блага подданных, проистекающего из законов, написанных на основе рационализма и знания своего народа. Но как можно сочетать самодержавие и коллегиальность, тайное голосование?

В принципе режим функционирования вводимых Петром государственных институтов не предусматривал непосредственного участия самодержца в работе центральных органов власти. Дела должны были проходить все стадии рассмотрения, начиная с низших и кончая Сенатом. И лишь затем, при необходимости, некоторые из дел могли ложиться на стол царю. Реформатор ставил перед собой и своими сподвижниками принципиальную задачу – создать такую правительственно-судебную машину, все части которой работали бы безотказно, как часы. Представления себе Пётр требовал только для спорных или не имеющих прецедента дел, особо настаивая на том, чтобы мимо него не проходили наиболее важные из них. Законодательная инициатива передавалась высшим правительственным учреждениям лишь в крайних случаях.

Реформа центральных и высших органов власти в конце 10-х годов XVIII в. началась с активного использования западноевропейского опыта, с привлечения иностранных специалистов и составления регламентов и штатов новых учреждений. Реформа проводилась в полном соответствии с популярными в тогдашней Европе идеями «общего блага», полицейского государства. Создание коллегий и реформа Сената в конце 10-х – начале 20-х годов XVIII в. имели в своей основе целостную концепцию европейского камерализма – учения о бюрократическом делопроизводстве, с характерными для него систематичностью, специализацией и унификацией. Важно, что, с одной стороны, с самого начала государственной реформы Пётр I использовал не просто элементы или институты, а всю совокупность административной камералистской системы Шведского королевства. С другой стороны, государственные реформы были тесно связаны (и проводились фактически одновременно) с реформированием различных сфер государственного хозяйства: местного управления, финансов, налогообложения, суда, торговли и церкви. В этом видна системность преобразований последнего периода петровского царствования.

Проблема следования шведским образцам имеет несколько аспектов. В целом Пётр I стремился сохранить следующие основополагающие принципы шведской системы: отраслевую специализацию, бюрократическую специализацию с ее штатами, процедурной и производственной частью. Все это особенно отчетливо отразилось в разработанных под его руководством регламентах коллегий и других учреждений. Однако воспроизвести всю шведскую

систему Петр не мог, да и не стремился к этому. Русские коллегии отличались от шведских не столько номенклатурой должностей, численностью чиновников или тем, что коллегиальное управление не охватило всего центрального управления, сколько тем, что взятые образцы были вырваны реформатором из шведского государственного контекста, в котором они являлись органичным элементом всего устройства шведского государства с характерной для него разветвленной системой сословно-представительных органов, самоуправляющихся городов и сельских общин, с неотменяемыми сословными привилегиями, личной свободой всего населения и, наконец, с традиционными королевскими обязательствами перед обществами, что ставило известные пределы шведскому абсолютизму.

Полное отсутствие в России этих начал государственного устройства, невозможность и нежелание их скопировать или установить по собственному усмотрению и определило те главные изменения, которые претерпели шведские образцы. Не только стремление опереться на бюрократию, не только бытование института крепостного права, получившего в ходе реформ Петра дальнейшее развитие, обусловило отход от шведских образцов. Дело в том, что новый госаппарат создавался под «самодержавие», Сенат, ставший из прежнего большого приказа большой коллегией, по своей сути оказался лишь чисто бюрократическим органом, передаточным звеном между государем и центральным и местным управлением. Более того, в основе всей новой системы власти лежал старинный принцип поручения, крайне далекий от идеи ответственного министерства: «Тот высший Сенат от Е. ц.в. высокопоставленным есть». Создание иерархической системы государственных учреждений, действующих по четким инструкциям, под жестким контролем прокуратуры, фискалов и доносчиков, должно было обеспечить решение наиболее важных, спорных, не имеющих прецедента дел. В этой бюрократической схеме самодержавие являлось единственным гарантом эффективности управления, правосудия, мерой всех и вся в государстве. Это с неизбежностью порождало полную бесконтрольность власти чиновников, господство этиатизма. Так, в ходе государственной реформы Пётр I вполне удачно соединил камералистскую «бюрократическую технологию» с традиционной самодержавной властью, что, безусловно, усилило самодержавие в России на длительный период.

В монографии Анисимова рассматривается реальное участие Петра в госуправлении на основе анализа петровских указов, резолюций и писем (7,5 тыс. документов за 12 лет царствования). Они выявляют тенденцию: с утверждением новой системы управления (реформы коллегий и Сената) доля участия Петра не сокращается. Причем доля указов, написанных рукой Петра целиком и резолюции, составляет более половины от общей массы указов. «Среди написанных рукой Петра законов – огромное количество фундаментальных актов, заложивших основы государственности Российской империи. Они потребовали от царя-законодателя титанической работы, причем учесть все редакции и поправки в этих актах в виде доступных подсчету единиц практически невозможно. В русской истории, пожалуй, только Екатерина II может сравниться с Петром I по масштабам, тщательности и профессиональности законодательной работы. Важно и то, что вся работа Петра с законодательством пронизана четкими идеями, последовательно проводимыми в виде законодательных положений, тесно связанных в единую систему (1, с. 281).

Автор выявляет механизмы, с помощью которых функционировал монарх как государственный деятель. Ключевое место в новой административной системе занимал Сенат. Пётр уделял огромное внимание его работе, и, в сущности, председательствовал на его заседаниях, постоянно вмешиваясь в его работу. Особую роль в реализации власти самодержца выполнял созданный в 1704 г. Кабинет Его императорского величества, во главе которого бессменно находился кабинет-секретарь Петра I Алексей Васильевич Макаров. Постепенное усиление Кабинета явилось выражением другой, более глубинной тенденции, которую можно назвать бюрократизацией самодержавия, отходом от традиционных, патриархальных форм функционирования самодержца в системе старого управления с Боярской думой и приказами (1, с. 283).

Характер функционирования монарха в системе власти неизбежно ставит серьезную проблему соотношения права, законности и самодержавия. И здесь заложено глубокое внутреннее противоречие во всей реформаторской деятельности Петра, который стремился, с одной стороны, к водворению в России порядка, регулярности, законности, а с другой – к укреплению самодержавия. Одним из ярчайших проявлений этого противоречия служит Устав о наследии престола от 5 февраля 1722 г. По своей сути этот закон

утверждал беззаконие, ибо передавал право престолонаследия исключительно в руки правящего монарха, который мог не считаться при назначении своего наследника ни с чем. Иначе говоря, Пётр всегда оставлял за собой право ни в чем себя не ограничивать. Поставить свою власть как монарха в некие правовые рамки, обозначить ее рядом четких законов (как это было сделано в отношении Сената или Коллегии) ни Петр, ни его наследники никогда не могли. Это означало бы конец самодержавия. То, что Петр вмешивался в работу аппарата на всех уровнях, несмотря на попытки определить свои функции как исключительно законотворческие, не только свидетельствовало о его энергии, темпераменте, но и отражало полноту выражения его самодержавия, в котором разделение властей на законодательную, судебную и административную никогда четко не устанавливалось (1, с. 290).

О различиях в толковании термина «абсолютизм» пишет и Ю.А. Сорокин (6), отмечая, что историки, краеведы, политологи зачастую высказывают полярные точки зрения на социальную сущность, природу, время и причины возникновения абсолютизма в России. Большинство историков полагают, что именно в царствование Петра I юридически оформилось абсолютистское государство в России, а затем началась его сложная, противоречивая эволюция, отразившая многие особенности исторического развития России: деформированное крепостничеством развитие буржуазных начал, тоталитаризм государственной системы, режим неограниченной власти монарха, специфический вариант русского просвещения.

Автор отмечает, что в русских письменных источниках, прежде всего в законодательстве, термин «абсолютизм» фактически не отложился. Русские монархи и в XVIII в. продолжали именовать себя самодержцами. Ни российские государи, ни российские законы не оперировали термином «абсолютизм» или «абсолютная монархия». Воздерживались от него и историки. Возвращаясь к современным спорам о самодержавии с «чертами восточной деспотии», Ю.А. Сорокин считает, что «уместнее говорить о православной модели неограниченной монархии, имевшей место в России в царствование Ивана IV, которую принято называть также самодержавной... Русское самодержавие деспотично настолько, насколько деспотично православное мировоззрение и мирозерцание» (6, с. 65).

Соглашаясь с Анисимовым в том, что с конца XVII в. Россия вступила в очередную полосу кризиса, каковой проявился и в сфере общественного сознания, Сорокин конкретизирует его применительно к особенностям петровского реформаторства. Действительно, «с одной стороны – кризис средневекового схоластического мировоззрения, с другой – имеют место попытки царя-реформатора сменить саму модель культурного (в самом широком смысле этого понятия) развития России... Пётр перестал вести себя как православный царь». Так возникла объективная потребность в ином, отличном от православного, обосновании самодержавной власти. Петр и его ближайшее окружение нашли его в европейских теориях, составлявших великое европейское Просвещение (6, с. 73). С точки зрения европейских просветителей, абсолютизм есть союз государя и подданных во имя общего блага, для обеспечения которого монарх получает неограниченную власть, а подданный – лишь обязанность повиноваться. При этом предполагается, что абсолютизм получит характер культурного и просвещенного правления, станет «просвещенным абсолютизмом». До известной степени абсолютным монархам удастся этого добиться, но большинству их деяний не суждена долгая жизнь... «Абсолютизм развивает принцип “полицейского государства” со всеобщей опекой, устранением подданных от управления, подчиняет хозяйство страны фискальным интересам и создает профессиональную армию чиновников» (6, с. 87).

Ю.А. Сорокин рассматривает, как принципы европейского Просвещения были интерпретированы на русской почве в первой четверти XVIII в. и роль идеолога при Петре – Феофана Прокоповича. Подготовленный им в 1719 г. «Регламент или Устав духовных коллегий» окончательно сломил, по общему мнению, политическую самостоятельность русской церкви и сделал государя ее фактическим главой. Ликвидация патриаршества и учреждение Синода, с одной стороны, и фактическое признание монарха главой церкви – с другой, означают крушение старой, византийской по происхождению, модели власти в России. С этого времени церковь превращалась в одно из многочисленных учреждений огромной бюрократической машины, в «Ведомство Православного Вероисповедания» (6, с. 89). Он принял титул «Отец Отечества», используемый ранее в духовном смысле и применяемый только к патриарху. Уничтожив патриаршество и фактически объявив себя

главой церкви, он, с точки зрения современников, «восхитил власть Божью». Вместо «симфонии» светской и духовной власти он пытается заменить ее гражданским культом императора с римской императорской символикой. Россия мыслится как вселенская империя, подобная Римской, а ее глава наделяется чуть ли не божественной властью. Все это подкрепляется монументальной пропагандой с ярко выраженным зрелищно-ритуальным характером. В итоге в первой четверти XVIII в. была создана «светская религия государства».

Историки по сей день спорят об объективной значимости Петровских преобразований для России. Мнения специалистов полярны. Однако положения тех авторов (среди них П.Н. Милюков, И.Л. Солоневич, В.М. Живов, Ю.М. Лотман, Б.А. Успенский и др.), которые в целом негативно оценивают преобразования Петра, сегодня выглядят более аргументированными. В самом деле, трудно отрицать такие явления, как стремительное сокращение численности податного населения в России в первой четверти XVIII в., снижение удельного веса горожан в структуре народонаселения страны, падение общего уровня грамотности по сравнению с серединой XVII в. и пр. Некоторые авторы рассуждают о симптомах культурного застоя или даже культурной деградации, по крайней мере применительно к развитию русской литературы в условиях становления полицейского государства (6, с. 94). Е.В. Анисимов утверждает: «Насилие, составлявшее суть экстраординарных мер Петра, было зафиксировано в законах, заложено в устройстве государственного аппарата административно-репрессивного типа, отражено во всей системе иерархичной власти. Именно в разнообразных формах насилия, ставшего регулятором жизни созданной Петром системы, проявляется ее тоталитаризм» (1, с. 13). Если под тоталитаризмом понимать подчинение экономики политике, замечает Сорокин, то, конечно, следует согласиться с Анисимовым. Однако утверждение последнего, согласно которому «в России конца XVII – начала XVIII в. не было ни “сословий”, ни “абсолютизма”, а были “служилые люди” и было “самодержавие” и знак равенства между парами этих понятий ставить невозможно» (1, с. 24), вызывают ряд критических замечаний Ю.А. Сорокина, которые он высказывает в форме комментариев.

1. В XVIII в. ни русские официальные источники, ни делопроизводство, ни публицистика... не оперируют термином «абсолю-

тизм», предпочитая использовать устоявшееся понятие «самодержавие». Но ведь в науке различают явление и термин, используемый для его обозначения. В силу этого самодержавие не может быть приравнено к абсолютизму – здесь мы с Е.В. Анисимовым согласны, что нисколько не исключает мысли о том, что русское самодержавие в эпоху Петра трансформируется в абсолютную монархию.

2. Механически переносить западные модели государственного устройства на русскую почву – занятие действительно бессмысленное... Русский абсолютизм мало похож на французскую или шведскую абсолютные монархии, но последние, в свою очередь, мало похожи на австрийскую, прусскую или испанскую, еще менее – на турецкий «феодально-абсолютистский режим». Эту несхожесть не стоит преувеличивать. Но тот факт, что в XVIII в. Россия была европейской страной (может быть, как никогда в своей истории), никто отрицать не станет.

3. Дискуссия о сущности русского абсолютизма 1968–1972 гг., действительно, не привела к выработке общепринятой дефиниции понятия «абсолютизм», но участники дискуссии вкладывали в это понятие различное содержание, в том числе «восточную деспотию» и «самодержавие». «Абсолютная монархия» как форма существования в новых исторических условиях русского самодержавия, как форма, которую может принимать самодержавие, приспособляясь к многофакторному кризису, в котором оказалось русское общество на исходе XVII в.

4. Становится модным утверждение, что Россия не знала сословий вплоть до 60–80-х годов XVIII в., когда законодательно было оформлено дворянское сословие. На этом основании отрицается сам факт существования сословий в России XVI – первой половины XVIII в. Ю.А. Сорокин считает это «логической переделкой», поскольку отсутствие законодательных актов, декларирующих наличие того или иного сословия, не означает, что этих сословий не существовало фактически. «Никаких неопровержимых фактов в пользу того, что, к примеру, служилых людей нельзя считать сословием, не приводится» (6, с. 97). Достаточно указать на Уложение о службе 1556 г. или, в большей степени, на Соборное уложение 1649 г., чей вклад в юридическое оформление сословий не меньше, чем у Жалованной грамоты дворянству 1785 г.

Итак, по устоявшемуся мнению, в первой четверти XVIII в. в России окончательно кристаллизуется новая форма государственного устройства – абсолютная монархия, иначе называемая «полицейское» или «регулярное» государство, основанное на хорошо организованном в общерусском масштабе насилии с ясно выраженными чертами тоталитаризма. Последний немислим в XVII в., при Алексее Михайловиче, ибо православная модель власти не допускает этого принципиально. Идеологическим обоснованием, лежащим в основе нового государственного устройства России, стали своеобразно интерпретированные на русской почве идеи европейского просвещения, образцом для подражания – шведская правительственная система, а несущей конструкцией – режим неограниченной власти российского императора, православные же начала, смягчающие деспотические черты в русском самодержавии, при Петре I отошли на второй план (2, с. 97).

Здание новой российской государственности, которое начал возводить Пётр, осталось недостроенным. Его преемники на престоле менее всего были заняты этим. Многие начинания Петра к середине XVIII в. сошли на нет. Петр III в течение своего недолгого царствования (всего 186 дней) пытался разрешить насущные проблемы империи. Был опубликован Манифест о вольности дворянства, давший благородному сословию свободу от обязательной службы; уничтожена Тайная канцелярия, выполнявшая функции политической полиции; создана Коллегия экономии для управления церковными землями; отменялись многочисленные торгово-промышленные монополии; учреждался Государственный банк с капиталом 5 млн. руб. и др. Царствование Екатерины II принято считать наиболее ярким в России проявлением «просвещенного абсолютизма». Однако общепринятой дефиниции этого термина и поныне не существует, считает Сорокин (6, с. 100). Более того, считает он, в России на протяжении XVIII в. не удастся обнаружить принципиальную разницу между «абсолютной монархией» и «просвещенным абсолютизмом». С теоретическими представлениями о последнем плохо вяжутся известные факты: проявление откровенно деспотических начал со стороны императрицы, пренебрежение правами и привилегиями подданных, даже гарантированных законами, апогей в развитии крепостничества; заметная дворянская оппозиция Екатерине II – от сановной фронды (Н.И. Панин) до революционных призывов А.Н. Радищева. Если

итоги царствования Петра I вызывают яростные споры, то в оценках итогов деятельности Екатерины II среди историков царит удивительное единодушие. «Нередки утверждения, что государственный гений Екатерины состоит прежде всего в разработке блестящих проектов реформ, в формировании ярких политических программ, а ее политическая мудрость – в отказе от реализации этих проектов в полном объеме в российской действительности. Поэтому и все сделанное ею оценивают не сквозь призму реальных, практических результатов, а преимущественно сквозь призму законотворческой (даже не законодательной) деятельности» (6, с. 143).

Режим, установившийся в России в царствование Павла I, трактуется исследователями как «военно-полицейская диктатура», «военно-полицейский режим» или «непросвещенный абсолютизм». Соответственно, две модели абсолютной монархии в России связывают одну с Екатериной, другую – с Павлом. Однако, по мнению Сорокина, нет оснований проводить такое различие. «Нам представляется уместным говорить лишь об абсолютной монархии от Петра до Павла, не выделяя какие бы то ни было внутренние этапы в развитии абсолютизма в этот период» (6, с. 316). Разницу между политическими режимами Екатерины и Павла автор связывает не столько с принципиальным изменением политического курса нового монарха, сколько с изменившимися условиями его проведения и различиями в характере монархов. Павел в бытность свою наследником находился в оппозиции к екатерининской политике. Во главу угла он ставил безусловное требование беспорочной службы дворянина государству, при этом дворянскую службу должен был регламентировать и направлять государь. Такая практика расходилась с екатерининскими началами, когда дворянин мог либо вовсе не служить, либо служба его была весьма необременительной. Последнее относилось прежде всего к гвардии и верхушке столичного чиновничества. Жесткое требование беспорочной службы со стороны императора вызывало невиданное озлобление петербургского дворянства, направленное против личности Павла I. В царствование Екатерины многие дворяне резко критиковали ее крепостнические указы, распутство двора, внешнюю политику и проч., но почти никто не критиковал личные качества императрицы. В царствование Павла наблюдается обратная картина: мемуаристы признают и даже одобряют его внутреннюю и

внешнюю политику в целом, но отвергают методы ее проведения и подвергают убийственной критике его личность.

Своеобразно трактует Сорокин и «рыцарство» Павла. Он не усматривает в нем ни «консервативную утопию», ни стремление подчинить православную церковь католичеству, ни донкихотство. «Самодержавно-масоно-рыцарская» идеология связана, на взгляд Сорокина, с доктриной «официальной народности», с попыткой вернуться к православной модели власти с учетом реалий того времени. Этим путем пошли его сыновья, особенно Николай Павлович. Царствование Павла носит переходный характер, под которым надлежит понимать трансформацию абсолютизма в самодержавие на новом витке исторического развития России. Самодержавие почти на столетие пережило в России абсолютизм, подчеркивает автор. Павел смог утвердить такой курс внутренней и внешней политики Империи, который отвечал потребностям сохранения национального государства дворян и соответствовал интересам монархии. Однако в условиях спада волны крестьянских выступлений дворянство решительно отвергло любые попытки правительства хоть в чем-то ущемить интересы помещиков. Отношение современников к личности и эпохе Павла зафиксированное в мемуарах, было растиражировано в сочинениях дореволюционных историков и вылилось в законченные устоявшиеся стереотипы, многие из которых не соответствуют действительности.

А.Б. Каменский считает, что со второй половины XVIII в. Россия вступила в период системного кризиса, означавшего, что она исчерпала возможности развития в рамках традиционализма. Важнейшим его проявлением была возрастающая техническая отсталость страны, представлявшая угрозу ее национальной безопасности. Именно кризис сделал возможными реформы Петра Великого, самые радикальные в ее истории и предопределившие последующее развитие страны. Главное противоречие Петровских преобразований и их последствий для страны, а следовательно, и невозможности их однозначной оценки, видится А.Б. Каменскому в сохранении крепостничества. Одновременно он ставит вопрос: а возможен ли был иной путь, существовала ли в исторической реальности первой четверти XVIII в. возможность ликвидации крепостного права? На взгляд историка, такая альтернатива была в период начала 1700-х годов, когда началось формирование армии на новых принципах, и до начала – середины 1710-х годов, когда

появляются первые законодательные акты, касающиеся сословных прав дворян. Основная направленность Петровских реформ была связана с созданием военизированного полицейского государства с жесткой социальной иерархией, полностью подчиненной его интересам. Однако Петровские реформы заложили основы сословной организации, предполагающей элементы самоуправления и, соответственно, зачатки гражданского общества. Итоги реформ Каменский видит в этих двух альтернативных вариантах развития и в борьбе между ними, составившей содержание последующих десятилетий.

Вопреки сложившимся в историографии представлениям и несмотря на определенную критику реформ Петра I, Каменский констатирует, что никаких серьезных отступлений от его линии и контрреформ не было. Это был период своего рода адаптации новых социальных, политических и культурных институтов к российским реалиям. Очередной этап в истории реформ XVIII в. начинается во второй половине 1740-х годов, когда на политическую сцену выходит новое, послепетровское поколение, осуществляется ряд преобразований в социально-экономической жизни. Завершается этап реформами Петра III, направленными на укрепление позиций дворянского сословия.

Новый этап наступает с воцарением Екатерины II, имевшей план либеральных преобразований, основанный на новейших достижениях социально-правовой мысли того времени. В центре была идея трансформации политического строя России в монархию, опирающуюся на прочный фундамент «непременных» законов и сословную организацию общества. Каменский возражает против закрепившихся в историографии представлений о двух этапах царствования Екатерины, о ее измене принципам Просвещения; о сугубо продворянском характере ее политики и против того, что императрица лишь имитировала реформы, не проводя их. Цели екатерининских реформ были значительно шире, чем просто поддержка того или иного социального слоя. Их итогом становится формирование общества современного типа, создается законодательная основа для формирования «среднего класса», для органов сословного самоуправления. Осуществляется реформа в области образования, впервые возникает система школьного образования. Цели и задачи своей реформаторской политики Екатерина сформулировала уже в начале царствования и затем, меняя время от

времени темп и тактику преобразований, последовательно осуществляла свой план реформ, по крайней мере в той его части, которую возможно было реализовать, не затрагивая основ крепостничества и не вызывая социальных потрясений. Павел I осуществил ряд контрреформ. Их суть Каменский формулирует как «попытку государственно-полицейского реванша над сословным» (5, с. 524).

Каменский полагает, что на протяжении столетия (1694–1796) процесс преобразований в России носил поступательный характер. Для этого времени закрепившееся в научной литературе и общественном сознании представление о цикличном характере развития России оказывается неверным» (5, с. 524). Реформы осуществлялись по инициативе «сверху», и отсюда представление, что они носили верхушечный характер и не затрагивали основную массу населения. Действительно, уклад жизни русского крестьянства на протяжении XVIII в. оставался неизменным, но в этом не было ничего специфически российского. Согласно концепции «протяженного Средневековья» Ж. Ле Гоффа, «деревенская основа западноевропейского Средневековья» и соответствующая ей ментальность оставались вплоть до XVIII – начала XIX в. почти неизменными. Россию от Европы отличало другое: европейское общество было культурно единым, что облегчило его относительно плавный переход в Новое время. Русское же общество со времени Петровских реформ оказалось разделено все расширяющейся культурной пропастью: «Для одной его части время остановилось, и Средневековье продолжилось еще многие десятилетия; для другой началось Новое время, отсчет которого велся по европейским часам... Именно здесь социокультурные и психологические корни феномена русской интеллигенции... объяснение особой “духовности” русской культуры с ее обостренной любовью к “народу”, как и истоки революционного радикализма» (5, с. 519). Впрочем, крестьянство, как показано в исследованиях отечественных историков, все более втягивалось в торгово-промышленную деятельность, шел процесс разрушения натурального хозяйства. Степень вовлеченности русского крестьянства в разные социально-экономические процессы, в значительной степени инициированные проводившимися в стране преобразованиями, была достаточно высокой. Это позволяет сделать вывод о том, что реформы XVIII в., направленные на модернизацию и европеизацию, в той или иной

степени затрагивали все население страны, определяли и меняли его жизнь.

Фундаментальные монографии ведущих зарубежных историков – специалистов по истории России XVIII столетия – отличаются широким использованием источников и литературы, обширным справочным аппаратом, сопоставлением различных точек зрения. Им присуще искреннее стремление узнать и понять Россию в ту переломную эпоху, когда она уверенно заняла место среди европейских держав. Первостепенное внимание зарубежных исследователей обращено на личность царей-преобразователей – Петра I и Екатерину II.

Выдающийся исследователь эпохи Петра I британский историк Линдсей Хьюз подчеркивает, что он был одержим страстью к реформированию страны. Неразрывная связь между войной и реформой лежит в основе большинства интерпретаций Петровского царствования. «Трудно отвергнуть аргумент, в соответствии с которым не столько внутренние нужды, сколько внешняя политика формировала ход Петровского царствования, однако оригинальность и эффективность Петровских реформ, скорее, противоречивы». Предметом споров являются природа и размах инновации и модернизации, их происхождение, степень эффективности огромных расходов на содержание армии и флота и суть петровского военного этоса (8, с. 89–90).

Как царь Пётр I, по мнению Хьюз, являлся автократом как никто другой в российской истории. Он пользовался неограниченной властью, не сдерживаемой каким-либо выборным или корпоративным органом. Тот факт, что он пренебрегал помпой и церемониями, любил разговоры с корабельными мастерами и пытался поощрять индивидуальную инициативу, картины не меняет. В известной формуле «царь указал, а бояре приговорили» он упразднил вторую часть, и указы издавал только от своего собственного имени. Основа петровского абсолютизма была подготовлена его предшественниками. Земский собор, избравший царем Михаила, при его преемнике царе Алексее перестал функционировать. Византийское понятие «симфонии царства и священства» окончательно развалилось из-за разрыва между царем Алексеем и патриархом Никоном. Отмена местничества при царе Фёдоре в 1682 г. устранила ограничения в выборе монархом приближенных одно-

временно с упадком Боярской думы. С 1690 г. все указы издавались только от имени царя.

При жизни Петра самой распространенной формой оппозиции было глухое сопротивление, которое вызывали как непомерная тяжесть его требований, так и непонятность его целей. Явный идеологический протест был редок, активное вооруженное сопротивление – еще реже. Распространенной реакцией на гнет и поборы были побег (200 тысяч человек – больше, чем насчитывала армия).

Оппозиция Петру коренилась глубже, чем простое недовольство тяжестью налогов и поборов. Иван IV, с которым его часто сравнивали, также обременял народ и совершал акты особой жестокости, но среди крестьян за ним сохранялась репутация «хорошего царя». В отличие от Ивана Пётр оскорблял традицию, причем в эпоху «апокалиптических ожиданий». Декреты Петра получали самое злое истолкование. Согласно старому православному календарю новое столетие, 7200, началось 1 сентября 1692 г., и поэтому, возвестив новое столетие в 1700 г., он «украл» восемь лет. Обвинения копились: он клеймил рекрутов «печатью Антихриста»; не соблюдал постов; отменил патриаршество; убил собственного сына, настоящего наследника, следовательно, его закон о престолонаследии 1722 г. заложил основу «царского дома Антихриста». Даже новые налоги, например, на бани и пасеки, связывали с приходом Антихриста, поскольку изменялся статус священства – его отдельные категории включались в ряды налогоплательщиков. Особенно упорной была вера в то, что сам Пётр был Антихристом.

Глухое недовольство росло в последние годы Петрова царствования. Плохие урожаи 1721–1724 гг. привели к голоду в ряде областей. Жалованье сократили или не платили вовсе. В 1724 г. впервые сбор налогов вызвал протест. Атмосфера при дворе была омрачена делом Вильяма Монса. Настроения общего недовольства отражены в Меморандуме о государственных нуждах, представленном императрице Екатерине I 18 ноября 1726 г. и подписанном Меншиковым, Остерманом, Макаровым и др. В нем говорилось о необходимости уменьшения налогового бремени, сокращения армии на две трети; критиковались реформы, которые принесли скорее бедность, нежели процветание. Строительство Санкт-Петербурга оставляло другие города без средств к развитию. Со-

держание бюрократии требовало все больших расходов. Этот мрачный анализ, написанный ближайшими соратниками Петра, следует учитывать при оценке итогов его царствования.

Хьюз не отрицает, что именно Пётр был инициатором многих перемен, но означали ли перемены «прогресс» и означал ли прогресс улучшение? Стала ли Россия лучше или хуже в результате Петровских реформ? Этот спор, подчеркивает Хьюз, начался задолго до смерти Петра и, конечно, задолго до того, как в XIX в. западники и славянофилы высказали свои «за» и «против» относительно Петровских преобразований.

Один из самых ранних итогов российских точек зрения подвел Ф.Й. Штраленберг, написавший, что о царствовании Петра I имеются весьма «различные мнения». В пользу Петра он вывел 12 пунктов, интересных тем, что они высказаны «компетентными» россиянами (имена их не названы): 1) Пётр задумал и планировал все свои начинания; 2) он был храбрым; 3) он был успешен в ведении войн, создал армию и флот, построил крепости; 4) распространял искусства и образование; 5) очистил религию от предрассудков; 6) реформировал законы; 7) торговлю, 8) горнодобывающее и мануфактурное дело; 9) он вознаграждал своих верных слуг, в том числе низкого происхождения, и карал неверных; 10) был постоянен в дружбе, например с королем Польши; 11) он был скромным и любил трудную работу (носил простую одежду, был неприязнителен в еде, работал корабельным мастером); 12) издал новый закон о престолонаследии. Но список аргументов «в пользу», выраженных очень сжато, перевешивается его аргументами «против», которые подкрепляются конкретными примерами неправильных действий, упадка морали, растраты ресурсов и человеческих жизней, пренебрежения традицией, удаления добрых подданных и приближения недостойных. Причины усматриваются в детстве Петра, когда он подвергался дурным влияниям (Лефорт), плохим учителям (Никита Зотов), изоляции от добрых людей в Преображенском, предавался необузданным «развлечениям и непристойным маскарадам», допускал чрезмерные жестокости Ромодановского и Преображенского приказа; осуждаются его любовные истории, устранение старых советников и назначение плохих советников и т.д.

Хьюз приводит высказывания М.М. Щербатова и Н.М. Карамзина о значении Петровских реформ для России. Они полагали,

что «прогресс» был достигнут слишком дорогой ценой. Причем об этой цене Карамзин отзывался столь критически, что, по мнению Хьюз, немногие из российской элиты могли позволить себе так говорить о Петре даже и спустя долгое время после его смерти. Официальная точка зрения была сформулирована Ломоносовым в речи, где он изобразил человека, оставившего Россию в начале Петровского царствования и по возвращении не узнавшего страну, преображенную как бы рукой Всемогущего. Все последующие российские монархи так или иначе ассоциировали себя с петровским наследием. Его дочь Елизавета, о которой говорили, что в ней жила душа Петра Великого, ссылалась на отца постоянно, а Екатерина II, его «духовная дочь», использовала это избирательно, например, подчеркивая тот факт, что Россия стала частью Европы. В большинстве своем русская элита XVIII в. искренне восхищалась петровскими достижениями и не имела ни малейшего желания осуждать блага вестернизации; правда, мало кто желал бы возвращения к трудностям Петровского царствования.

Хьюз рассматривает не только дореволюционные оценки реформ Петра, но и те, которые давались им в советское и постсоветское время. Она считает, что обвинение, предъявленное постфактум Петру славянофилами в том, что он расколол Россию, бьет мимо цели. Напротив, утверждает она, Петр не сумел в должной мере переделать культуру и устремления элиты. Лишь небольшую горстку привлекали западные политические институты, включая создание корпоративных организаций и гражданского общества. В этом плане последствия «незавершенной» Петровской реформы очевидны вплоть до сегодняшнего дня.

Она полагает, что особой критике подвергалась финансовая стоимость Петровских реформ, огромные траты на роскошь и престижные проекты, в то время как масса населения страдала от бедности и угнетения (обвинение, адресованное также и советским лидерам). П.Н. Милюков, один из первых, изучивших цену реформ, утверждает, что по сути Россия достигла статуса европейской державы ценой разорения страны (строительство в Воронеже флота, непригодного для мореплавания; создание новой столицы на окраине страны; проекты строительства каналов и др.). Иностранные заимствования, ранее нечто неслыханное, при Петре превратились в официальную политику. Однако последние исследования показали, что опора на иностранных специалистов сильно

преувеличена, за исключением их роли в создании флота. По словам Вильгельма Хеннига, одного из самых энергичных помощников Петра, «...русский народ за такое короткое время и при таком небольшом количестве иностранных специалистов учился столь успешно, что я теперь могу осуществлять с ними крупные работы, фабричное и горнорудное дело» (8, с. 467). Хьюз добавляет также, что в мировой истории Пётр не одинок. «Харизматическая» модель реформ, проводимых пророком или лидером, нередко включала «прорубание окна в Европу» и замену традиционных форм (администрации) рациональными, часто вопреки сильному протесту консервативных сил.

Пол Бушкович, профессор российской истории Йельского университета, обращается к частным аспектам петровского царствования, широко используя методологию постмодерна с присущими ей формализованными понятиями, такими как «дискурс», «нарратив» и т.д. Отдавая должное деяниям Петра Великого, он называет его эпоху «одним из важнейших поворотных моментов» как в истории самой России в ее продвижении к статусу великой державы, так и в европейской истории в целом.

Цель его книги – «переписать политический нарратив царствования и то, что ему предшествовало, используя источники, которым обычно не уделяли достаточного внимания, или не уделяли вовсе... с тем чтобы пролить свет на неформальные структуры власти в Российском государстве» (9, с. 1). Как Пётр добивался своих целей? За 30 лет, с середины 1690-х годов до своей смерти в 1725 г., он издал тысячи указов, которые привели к фундаментальным изменениям в российской жизни, причем многие из них были непопулярны.

Успехом своих преобразований, считает американский историк, Пётр был обязан своему умению управлять политикой двора и элиты и своим личным способностям в военной и дипломатической сферах. Он унаследовал могущественную правящую элиту. Многие ее представители были недовольны его преобразованиями. Однако Пётр сумел в достаточной степени примирить их, чтобы оставаться у власти и проводить свой курс.

Российская и западная историография в целом разделяется на «государственную» школу и на ее оппонентов, состоящих из славнофилов, но не только. Государственная школа рассматривает русскую историю как развитие государственности, под которой

подразумевает формальные бюрократические институты. Ведущей идеей здесь является развитие законности, «правового государства», которое заложит основы представительного правления. Советская историография, «в тех редких случаях, — как пишет автор, — когда она не занималась аграрной историей и классово-борьбой», оставалась в рамках государственной школы с ее интересом к формальным институтам. В пределах этой традиции оставалась и западная историография.

История формальных институтов необходима, но трудность состоит в том, что она не затрагивает подлинных рычагов власти и механизма политического действия в России до XIX в. — правящей элиты, старой боярской аристократии с добавлением новых фаворитов и чиновников петровского царствования. Американские историки Коллманн, Грэмми и Ледонн особенно остро поставили вопросы о составе и политической роли правящей элиты в России в период XVI–XVIII вв. Они пришли к выводу, согласно которому традиционное представление о царе-самодержце и степени его власти не подтверждается источниками, а потому — нереалистично. Они правильно подчеркнули, что боярская элита представляла собой не ряд выдающихся деятелей, а ряд кланов; некоторые достигли высокого положения еще в XIV в. и сохраняли его почти до конца XVIII в. Появлялись и новые фигуры, но они не означали «падения аристократии» и «подъема дворянства» (С.Ф. Платонов). Американская школа указала на центральное место династических браков для продвижения. Родственные отношения рассматриваются как решающие для политической роли больших родов. Последнее не всегда едино, и было немало примеров внутрисемейного раскола по политическим линиям. Целью знатных фамилий было удержаться на вершинах власти и контролировать продвижение своих родственников и соратников по служебной лестнице. Однако политическая жизнь Петровского времени не сводилась только к борьбе за власть, положение и доступ к казне. Она отзывалась на характер неформальных структур власти, на конкретные вопросы внешней политики, на проблемы развития страны. Поэтому для понимания функционирования государства, т.е. царя, правящей элиты и государственных институтов автор считает необходимым написать политический нарратив того времени, чтобы прояснить неформальные правила политической игры, необходимость для монарха уравнивать придворные группировки и идти на ком-

промиссы даже при проведении коренных перемен. Соперничество бояр происходило и при сильном, и при слабом правителе. Российская политика находилась в постоянном движении из-за множества соперничающих сил (9, с. 41).

Автор показывает это, рассматривая изменения в составе Коллегий и Сената, а также расстановку сил при дворе и на местах, борьбу группировок в ходе и в результате Петровских преобразований. К концу Петровского царствования культура российской правящей верхушки коренным образом отличалась от той, что была во времена его отца. Однако состав российской элиты изменился значительно меньше. Аристократы по-прежнему играли центральную роль в российской политике, по меньшей мере следующие 40 лет после Петра. Он не пытался систематически заменять аристократию назначениями меритократического характера, а старался добиваться равновесия между различными компонентами элиты – фаворитами, собственными родственниками и старыми аристократами.

Более радикальные изменения произошли в способе ведения дел новыми институтами в сравнении с Боярской думой и канцеляриями прежнего времени. Предшествующие институты управления в значительной степени были основаны на обычае. Сенат записывал не только принятые им решения, но и процесс их обсуждения. Такая процедура, тщательная запись отчетов была не просто проблемой бюрократической точности, но частью процесса упорядоченного и законного управления, представление о котором Пётр получил на Западе. Другой аспект политики, изменившийся еще более радикально, – это восприятие политической деятельности самой правящей элитой.

Масштабное исследование переворота в управлении, культуре и обществе, осуществленного Петром I, предпринял Джеймс Крэкрафт, профессор Иллинойского ун-та (Чикаго), специалист по русской истории Нового времени, автор трех книг о перевороте, который совершил Пётр в культуре России (10; 11; 12). Основной тезис автора состоит в том, что многочисленные реформы Петра Великого в военной, государственной и общественной областях в целом представляли собой настоящую «культурную революцию». В соответствии с методологией «новой культурной истории» автор рассматривает три области культурной революции: «визуальную», «изобразительную», «вербальную».

В двух работах (10 и 11) Крэкرافт анализирует превращение средневековой Московии в современную Россию, рассматривая петровскую революцию в культуре в рамках политического, экономического и социального контекста.

Предпосылки Петровской программы европеизации России особенно видны в ретроспекции. Начиная с XV в. Европа вступила в период внешней экспансии. «Это означало, что к 1690 г., когда Пётр стал самодержцем, Россия ощущала нажим европейской экспансии уже более столетия, причем в такой степени, что ее правитель стоял перед выбором: либо Россия примет вызов и выживет как суверенное государство и автономное общество, или ее ждет упадок, колонизация, а возможно, и расчленение. Успех российского ответа в значительной степени зависел от того, чтобы научиться жить по европейским правилам, особенно в военной сфере. Такая дилемма в тот или иной момент возникала перед всеми неевропейскими народами и государствами мира. После победы России над Швецией союза с ней искали многие европейские государства. Российская империя стала европейской державой» (12, с. 16).

В результате Петровских реформ получили широкое распространение западные визуальные модели, идеи, технологии и понятия городского пространства и дизайна для русских городов. Начав с фортификации и кораблестроения, Пётр преобразовал гражданскую архитектуру, введя европейский стиль. За ними последовали живопись и графика, другие изящные искусства, чеканка монет и изготовление географических карт (11). Крэкرافт рассматривает воздействие Петровской интенсивной программы европеизации на визуальные искусства и показывает, как современные формы изобразительных искусств вместе с техникой их создания распространились в России. Особое внимание уделяется ранней истории Санкт-Петербургской академии художеств, а также воздействию Петровской программы на народные изобразительные искусства и на церковные художества Русской православной церкви. Согласно выводу автора, «изобразительные искусства Российской империи могут рассказать о господствующем этосе и идеологии столь же много, и даже больше, чем письменные тексты, обычно изучаемые историками» (12, с. 34).

Автор уделяет большое внимание реформам «вербальным» – в области языка и печатного дела (12). Осуществленные царем реформы во всех областях имели огромное воздействие на вербаль-

ную культуру. Царь сам пересмотрел русский алфавит; книгопечатание, ранее ограниченное в основном религиозными текстами, благодаря появлению множества печатных машин стало массовым (составление учебников, упорядочение русского литературного языка и, наконец, создание Санкт-Петербургской Академии наук).

К самым ранним реформам Петра относятся модернизация армии и создание флота «практически из ничего». Большая часть его царствования прошла в войнах со Швецией за контроль над восточной Балтикой. Потребности ведения войны повлекли преобразования в управлении государством и своего рода «бюрократическую революцию», которая распространилась и на церковь. С современной точки зрения его достижения могут показаться ограниченными, но, считает автор, «Петровское современное государство было российским вариантом общеевропейского типа и, пожалуй, столь же успешным для своего места и времени, как и остальные – для своего» (12, с. 5). «К концу Петровского царствования Россия стала полноправным членом европейской системы суверенных государств» (12, с. 189). Воплощением «революции» Петра был основанный им Санкт-Петербург. Первоначально военная база, город стал административным центром по мере перемещения функций управления из Москвы, и, наконец, превратился в «новую культурную столицу России». Реформы, предпринятые Петром, преобразовали Россию не только в европейскую державу, но и в страну европейской культуры, и этот сдвиг Крэкraft считает по-настоящему революционным.

Все три тома серии, рассматривающие переломный характер Петровской эпохи в плане истории культуры и произошедших в ней преобразований, снабжены многочисленными иллюстрациями, причем многие ранее не публиковались. Это делает книги интересными и для историков культуры и искусства.

Самым крупным зарубежным исследованием, посвященным Екатерине II и ее реформаторской деятельности, повсеместно признана монография крупнейшего английского историка-слависта Исабель де Мадариага «Россия в век Екатерины Великой» (13). Как утверждает И. де Мадариага, «долгое царствование Екатерины отмечено столь значительными свершениями, что по значению вполне может быть приравнено к царствованию Петра Великого. Она поставила своей задачей продолжение его политики, но диаметрально противоположными средствами. Там, где Пётр в своих

нововведениях европейского образа мысли и обычаев зачастую не отличал формы от содержания, Екатерина пренебрегала формой, заботясь о сути. Там, где Пётр пренебрегал собственно русским в интересах вестернизации, Екатерина, иностранка, возвышала достоинства и добродетели России и русских, внушала им высокое чувство равенства, а порой и превосходства над Западной Европой. Там, где Пётр использовал террор, Екатерина действовала убеждением» (13, с. 7). При ней, как подчеркивал Карамзин, «высшие сословия уже не чувствовали себя рабами», и в сравнении со всеми известными эпохами русской истории эпоха Екатерины была «наиболее счастливой» для русских граждан.

Последующие суждения и оценки были строже. Историки XIX и XX вв. рассматривали ее беседы с философами как лицемерие, ее Наказ как фарс, написанный ради одобрения Запада, в то время как подданные страдали от беззакония и несправедливости. Выдающиеся достижения Екатерины в сфере управления, значительные реформы, проведенные ею почти во всех областях жизни, заслонялись тем фактом, что она не освободила крепостных или хотя бы не урегулировала их отношений с помещиками.

Историк считает, что ошибочно судить Екатерину как правителя за расхождение между принципами, изложенными в ее Наказе, и российской действительностью. Наказ не был программой законодательства, а выражением идеалов, которым стремится следовать общество. Он был в первую очередь направлен на формирование общественного мнения, выдвижение перед правящими кругами России новых идей и новых установок. На его принципы время от времени ссылались – как во время екатерининского царствования, так и позднее – преимущественно в области судебных наказаний и неизменно в плане смягчения их суровости и жестокости. Пока отсутствует исследование того, в какой степени дух Наказа повлиял на последующее законодательство, но можно утверждать, что ее политика в отношении свободных сословий страны и судебных органов была пропитана идеями, которые она выдвинула в 1767–1768 гг.

И. де Мадариага отвергает постановку ставшего «классическим» вопроса – была ли Екатерина «просвещенным деспотом»? Екатерина – дитя своего времени, она в самом деле любила интеллектуальные занятия, общение с острыми и проницательными умами, политическими мыслителями, литераторами и драматурга-

ми. Ее переписка с Гриммом отражает обширную сферу ее интеллектуальных и художественных интересов; соответственно ее анализ общества и политическая программа находились под влиянием литературы, которую она читала. Поэтому теоретические основы ее законодательства могут быть найдены в Энциклопедии, в трудах Монтескье и Блэкстона, в германской камералистской мысли. Согласно им, общество разделено на сословия, каждое со своими правами, привилегиями и обязанностями. Удел правителя – привести в движение механизм социальных изменений, в котором сословия охотно принимают участие, не выходя из подчинения. Сочетание камерализма с обществом «сословий» придает особый характер ее правлению. Типичным для камералистского подхода был ее систематический поиск единообразия. Отмена ряда специальных юрисдикций могла служить позитивной цели подчинения индивидов одному и тому же закону (хотя духовное сословие, университетское сообщество и школьные учителя продолжали оставаться под юрисдикцией Священного синода, Университета и Комиссии национальных школ соответственно). Но распространение российской местной администрации и социальной организации на всю Европейскую Россию с полным невниманием к этническим границам и местным традициям указывает на отсутствие понимания, свойственное чисто рационалистической концепции «добротного правления».

К области социальной политики относится и дискуссия о природе корпоративных органов, введенных Екатериной для дворянства и горожан в 1775 и 1785 гг. В какой степени она стремилась ввести в России социальные институты, действительно автономные, для партнерского взаимодействия с центральным правительством? Или же она просто обратилась к сословиям с целью дополнить работу чиновников, поскольку чиновничество было слишком малочисленным и неэффективным для осуществления поставленных ею государственных целей? Ответить на эти вопросы нелегко, поскольку политические идеи и практика Екатерины менялись в соответствии с обстоятельствами в ходе ее долгого царствования. Несомненно, она надеялась мобилизовать местную инициативу и поощрить добровольную общественную деятельность и предприимчивость, лишь бы она укладывалась в рациональные и секулярные рамки, которые она ей ставила. Но для нее, как и для других авторитарных правителей, оказалось трудным поддерживать хруп-

кое равновесие между свободой и подавлением, научить людей действовать свободно в несвободном обществе. Иногда историки допускали, что она намеревалась создать настоящие корпоративные институты с некоторой степенью автономии, рудиментарное *Standestaat*, причем именно тогда, когда просвещенные монархи вроде Иосифа II лишали всякого политического содержания корпоративные институты, еще сохранявшиеся под их владычеством. Более убедительна точка зрения, согласно которой она имела в виду не *Standestaat*, а *Standegesellschaft*, т.е. не государство, основанное на сословиях, а общество, основанное на сословиях. Сословия были необходимой составной частью общественного порядка, их следовало поощрять, даже создавать там, где их не было, дабы государство могло общаться с организованными социальными группами в пределах всей страны.

Способствовала ли Екатерина развитию этого типа *Standegesellschaft* просто потому, что русская бюрократия была слишком слаба для выполнения своих задач? Тип хорошо отрегулированного государства, предусмотренный камералистами, требовал для своего гладкого функционирования усилий возросшего числа чиновников, приученных к систематическому исполнению своих обязанностей и связанных узами зависимости от государства как нанимателя. Государственный контроль облегчался Табелью о рангах; хотя о бюрократии в современном смысле слова в России XVIII в. не может быть и речи, доля правительственных чиновников из гражданских лиц неуклонно росла в ходе второй половины екатерининского царствования. Росли их образованность и оплата, но им явно недоставало административного опыта, служебной этики и «сословного духа». Могли ли они быть единственным партнером правительства?

И. де Мадариага возражает против западной точки зрения, рассматривающей бюрократию в качестве необходимого элемента административных изменений, без которого не может быть достигнуто никакое улучшение. Однако в XVIII в. существовали иные модели, нежели в Пруссии и Австрии, и другие политические авторы помимо камералистов. Здесь следует вернуться к Монтескье и его ученику Блэкстону, чтение которых обратило взоры Екатерины на Англию. Из Англии она заимствовала *equity court* и попытку ввести разновидность *habeas corpus Act*. Она имела основания считать, что английская модель с ее опорой на сельское дво-

рянство более соответствует огромным слабозаселенным пространствам России, нежели прусско-австрийская бюрократическая модель. Способ действия (*modus operandi*) капитана-исправника и земских судов, намеченный в реформе 1775 г., имеет определенное сходство с правосудием мировых и магистратных судов (*peace and magistrate courts*) (13, с. 584).

В этом контексте историк полагает необходимым высказать свое мнение относительно следующих устоявшихся суждений. Согласно последним, а) Екатерина, опиравшаяся на дворянство, вынуждена была усилить его власть над крепостными; б) после восстания Пугачёва она заключила союз с дворянством для управления Россией, основанный на общем страхе перед крестьянскими бунтами. Оба эти утверждения упрощают весьма сложную ситуацию. Так, в первые годы царствования, когда ее положение на троне было наиболее шатким, Екатерина делала наименьшие уступки дворянству и в плане пожалования земель и придания политического веса сословию.

В России XVIII в. всегда существовал союз между короной и знатью по частным вопросам. Но это не был союз равных, он не означал ни зависимости короны от дворянства, ни разделения политической власти. Случалось лишь делегирование короной дворянству некоторых функций, исполнение которых оно не могло доверить несуществующей бюрократии, содержать которую было не в состоянии. Пётр I пытался, но не сумел привлечь провинциальное дворянство в местную администрацию; он прибег к бюрократическому порядку, который рухнул под собственной тяжестью в 1727 г. Только Екатерина создала систему делегирования провинциальному дворянству (доли власти) на выборной, временной и оплачиваемой основе; она-то и оказалась прочной. Но государство удерживало свой контроль над дворянским сословием, ибо оно давало «чин» и тем контролировало социальный статус всех, кроме крупных магнатов. Поскольку социальный статус зависел от титула и богатства, для наследственных групп знати было невозможно образовать и развить социальную сплоченность или политическую солидарность. Достойным преемником «местничества» явилась Табель о рангах; она отдавала в руки государя высший контроль над обществом, поскольку от него зависело вступление в нобилитет и продвижение внутри последнего. Она оставалась

главным орудием сохранения обязанного службой общества и препятствовала возникновению подлинно свободного общества.

Автор решительно отвергает мнение, согласно которому Екатерина не занялась проблемой крепостного права из опасений перед реакцией дворянства. Причиной, скорее всего, было ее убеждение, особенно укрепившееся после Пугачёвского бунта, что не пришло время браться за проблему, так тесно связанную с общественным порядком, финансами и военной мощью. Россия была еще недостаточно богата, ей действительно недоставало хорошего управления, способного справиться с огромным социальным переворотом, который повлекло бы изменение статуса крепостных. Даже регулирование отношений по ливонскому образцу могло повлечь масштабные социальные волнения. Но во всех случаях, когда Екатерина могла сузить ряд тех, кто мог владеть крепостными, сократить способы закрепощения и усилить безопасность тех, кто был освобожден, она это делала.

В другой весьма важной области влияние Екатерины в долгосрочной перспективе было позитивным. Это организация судебной системы, сохранявшаяся практически неизменной до реформы 1864 г. Она приблизила правосудие к населению, даже если разделение между сословными судами было чуждо российской практике. Сама идея законности, выдвигаемая Екатериной, была чужда российскому обществу, она была скорее «моральным идеалом». Изучение местных российских законов даже не начиналось до конца 1760-х годов, и отсутствие образованных юристов ощущалось не только в администрации судов, но и в деле разработки законов.

Еще в одном важном отношении царствование Екатерины II выглядит подобно «лучу света» между миром Петра I и военным деспотизмом XIX столетия: это становление гражданского общества и системы управления. Рост непосредственно гражданского элемента в бюрократии в сочетании с ростом его относительного веса в администрации способствовал процессу, который может быть описан как демилитаризация русской системы управления. Во времена Петра I военные, особенно гвардия, широко использовались как непосредственные и эффективные проводники царской воли. При Екатерине администрация приобрела более гражданский тон, поскольку по большей части состояла из гражданских лиц (стоит отметить, что уже в 1764 г. сбором налогов занимались не

солдаты, а гражданская администрация). Обширное число официальных лиц, занятых в отдельных судебных ветвях администрации, способствовало этому процессу демилитаризации, что составляет важный, хотя зачастую упускаемый из виду элемент гражданского общества.

Французская революция по мере нарастания ее радикальных тенденций показала Екатерине всю опасность произведений «философов», которыми она так сильно восхищалась. Это объясняет ее реакцию на книгу Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» и, спустя полтора года, – на публикацию трагедии Княжнина «Вадим Новгородский». Вести о нарастании якобинского террора, о казни короля и королевы, о массовых казнях аристократии, гильотине и т.п. способствовали тому, что климат в России становился все более репрессивным. Провинциальным губернаторам был разослан приказ о запрете публикаций «опасных книг». Свободный приток французской, вообще иностранной литературы был ограничен. Несомненно, 1790-е годы знаменуют расхождение путей между правительством и интеллектуалами России – теми, кого позволительно называть термином «интеллигенция», делает вывод автор, указывая на растущую напряженность между Екатериной и молодыми писателями 1790-х годов. После 1789 г. стали ясны опасные стороны идей философии Просвещения, поначалу привлекавших императрицу: ограничение абсолютной власти, представительство индивидуальных мнений, в противовес корпорациям, группам интересов, сословиям и т.д. Наконец, новая идеология показала привилегированным классам Европы и правителям свое устрашающее лицо: террор, направленный против мужчин, женщин, стариков и детей без различия, произвел такое же впечатление, как Аушвиц и Дахау в XX в.

Наконец, природа русского образованного общества заметно изменилась за 30 лет правления Екатерины. Двор перестал быть единственным центром и фокусом культурной жизни, которая теперь распространилась и на провинцию. Несмотря на отсутствие статистики, ясно, что в 1790-е годы общество стало более дифференцированным, росло число образованных мелкопоместных дворян и разночинцев, занятия, требовавшие грамотности, да и высшего образования, способствовали росту «среднего класса», включавшего профессоров, преподавателей, докторов, архитекторов, художников, деловых людей, мастеров всевозможных профессий, –

короче, лиц, выпадавших из простой социальной схемы старой России: воин – купец – крестьянин. Эти люди были особенно чувствительны к несправедливостям, мелочным придиркам и запретам, исходившим от дворцовых и правительственных кругов.

Автор видит самый важный результат екатерининского царствования в распространении нового духа, проявляя при этом гендерный подход. Демилитаризация администрации и общества была естественным следствием присутствия женщины на престоле. Екатерина не могла ни командовать армиями на полях сражений, ни интересоваться деталями мундиров, парадами, языком военных рапортов. Эти задачи были делегированы ею главам Военной коллегии, а фактически на протяжении большей части ее царствования – Потёмкину. Но многие ее проекты опережали способность российского общества переварить их. В особенности ей не хватало кадров, на которые можно было опереться. Долгие сроки пребывания на ответственных постах одних и тех же лиц свидетельствуют не столько об ее уверенности в них, сколько о том, что заменить их было некем.

При всех своих недостатках Екатерина сослужила хорошую службу России. Ее величие состоит не в территориальных приобретениях, а в новом типе отношений между правителями и управляемыми. Начиная с Уложенной комиссии идея национального обсуждения стала реальной. Орудия общественного контроля множились и глубоко проникали в общество, осваивавшее новые для него концепции правосудия и законности. Правосудие стало ближе к народу, и ошибки не расценивались как преступление. Российская элита ощутила вкус свободы и самоуважения, сфера частной жизни, отличной от службы, сильно расширилась. Сам двор стал источником литературного, художественного и музыкального покровительства.

На короткий период времени Россия и Западная Европа сошлись, разница во времени и пространстве уменьшилась. После смерти Екатерины их пути вновь разошлись. И хотя разделение между гражданской и военной сферами сохранялось, Павел, а затем и Александр вернули превосходство военной сферы над гражданской. В XIX в. Россия и Запад расходились все более, ее темпы развития замедлялись, тогда как в Европе ускорялись, пока не образовалось то отставание, которое выявила Крымская война. Тогда, вспоминая екатерининское царствование, историки оглядыва-

лись на него как на время, когда деспотизм превратился в монархию, и люди повиновались из чувства чести, а не страха.

Список литературы

1. *Анисимов Е.В.* Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. – 331 с.
2. *Анисимов Е.В.* Прогресс через насилие от Петра Великого до Ленина и Сталина // Русская история. – М., 1990. – № 17. – С. 409.
3. *Водарский Я.* Петр I // Вопросы истории. – М., 1993. – № 6. – С. 59–78.
4. *Гордин Я.* Дело царевича Алексея, или Тяжба о цене реформ // Звезда. – М., 1991. – № 11. – С. 120–143.
5. *Каменский А.Б.* От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века: Опыт целостного анализа. – М., РГГУ, 1999. – 575 с.
6. *Сорокин Ю.А.* Российский абсолютизм в последней трети XVIII в. / Отв. ред. д-р ист. наук А.П. Толочко. – Омск, изд. ОмГУ, 1999. – 321 с.
7. *Hughes L.* Russia in the age of Peter the Great. – L.; New Haven: Yale univ. press, 1998. – 602 p.
8. *Hughes L.* Peter the Great. A biography. – L.: Yale univ. press, 2002. – 285 p.
9. *Bushkovitch P.* Peter the Great: The Struggle for power. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2001. – 498 p. – (New studies in European history series).
10. *Crackraft J.* The Petrine revolution in Russian architecture. – Chicago; L.: univ. of Chicago press, 1988. – XXVI, 372 p.
11. *Crackraft J.* The Petrine revolution in Russian imagerie. – Chicago; L.: Univ. of Chicago press, 1988. – XXVI, 372 p.
12. *Crackraft J.* The Petrine Revolution in Russian culture. – Cambridge (Mass.); L.: Harvard univ. press, 2004. – XII, 580 p.
13. *Madariaga I. de.* Russia in the age of Catherine the Great. – L.: Phoenix, 2003. – 702 p.